

Книги Игоря Дравина
в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ЧУЖАК. УЧЕНИК
ЧУЖАК. ОХОТНИК
ЧУЖАК. БАРОН
ЧУЖАК. РЕЙНДЖЕР
ЧУЖАК. БОЕВИК-УНИВЕРСАЛ
ЧУЖАК. МЭТР

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ИГОРЬ ДРАВИН

ЧУЖАК.
УЧЕНИК

РОМАН

Москва, 2011
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Д72

Серия основана в 1992 году
Выпуск 668

Художник
А. Сальников

Дравин И.
Д72 Чужак. Ученик: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011. — 377 с.: ил.— (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-0719-4

Люди, выведенные своим миром, чужие для него, появляются очень редко. За все время, прошедшее после Смуты, из порталов между мирами появилось всего семнадцать человек. Церковь брала их под свое крыло и выпускала в мир тогда, когда считала полностью готовыми к предстоящим им испытаниям. Среди них были паладины, маги и даже один пророк. И все они не оправдали возложенных на них надежд. Все погибли — кто случайным образом, кто от рук созданий и слуг Разрушителя. Есть теория о том, что наш мир также считает их чужаками. Чужак, не воспринимаемый Арландом, не сможет в нем существовать и тем более выполнить возложенную на него миссию.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-0719-4

© Игорь Дравин, 2010
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2010

ПРОЛОГ

— Очередной взрыв прогремел в Багдаде, — с умным лицом вещала с экрана хорошенькая ведущая. — В результате теракта погибло...

Я опять шелкнул «лентяйкой». Почему когда плохо, обязательно передают «хорошие» новости? Поставьте хоть Задорнова. Репортаж про очередную неудачу в борьбе за не менее очередной урожай тоже подойдет. Под него так сладко дремать. Так, а что здесь?

— Возьми меня замуж, возьми...

«Лентяйка» прервала мучительные просьбы поп-дивы. Раньше нужно было думать, а не сейчас. А то сначала по стране мотаешься, здоровье свое гроишь на концертах, и только потом замуж хочешь. Всего почти достигла, а про счастье только сейчас вспомнила.

— *Не надоело?*

Надоело. Совсем надоело. Ты надоела в особенности. Уже три дня в моей башне находишься. Советы умные даешь. Жизни учишь. Оно мне надо?

Я лениво приподнял голову с кровати. Хмурое осеннее утро. Свет едва пробивается сквозь мутные разводы на стекле. Я встал и подошел к окну. Настроение и, что важнее, самочувствие полностью соответствовали очевидной окружающей действительности. Серые комья ноздреватого снега, большая лужа перед входом в подъезд. Интересно, от вчерашнего банкета что-то осталось? Я подошел к галерее бутылок около кровати. Так, водка — пустая. Баллон пива — пустой. Банка пива — что-то есть. Несколько глотков теплого, выдохшегося напитка не убрали мерзкого привкуса во рту и не подняли настроения.

— *Ни уму, ни сердцу, правда, алкаш?*

Ну вот, опять посторонние мысли в голове бродят.

— *Радуйся, что есть пока, где бродить.*

И чего она привязалась?

— *Надо вот — и привязалась.*

Здравствуй, шиза. Вот последствия неумеренного потребления спиртного. Допился. Пока еще мысленно сам с собой разговариваю. Потом вслух с собой ругаться начну, дальше — больше. Интересно, когда соседи «скорую» вызовут? Когда я на них начну бросаться или до того как? А потом — здравствуй, желтый дом, и если ты не буйный, прием посетителей по выходным.

— *И пива в дурке не наливают, да и с сигаретами напряженка.*

Так, а может, это уже горячка белая началась, — и где тогда зеленые чертики? Нету. Ау, беленькая, я так не играю: если горячка, то подать сюда чертей для комплекта ощущений. Ладно, я не привередливый — нет в запасниках чертиков, согласен на человечков, но чтоб зеленых, других я принципиально не терплю.

— *И не горячка я совсем, тем более белая. Ты до такой степени еще не допился. Но ничего, уж это поправимо, пара-тройка дней — и привет, нас будет уже троє. Я, ты и беленькая.*

Ну, вот и буду тебя «Я» называть. Кстати, пора в магазин — нужно здоровье подправить.

— *Слушай, у тебя крыша точно не поехала — самого себя «Я» называть? А насчет магазина мысль здравая.*

Нет, тот ботаник, что придумает какие-то таблетки для контроля собственных мыслей, озолотится. Глотнул — и ни о чем постороннем не думаешь, в принципе никакая левая мысль в голову не придет.

— *Не дождешься.*

Называется, не думай минуту о белой обезьяне.

— *Сам ты обезьяна: в магазин иди, сигареты тоже закончились.*

Будешь доставать, никуда не пойду — из вредности.

— Пойдешь, еще как пойдешь, но мешать не буду, затыкаюсь.

А ведь «Я» прав: пойду, куда я денусь?

Выйдя из подъезда, поеживаюсь. Да, на улице не май ме-

сяц — хорошо, что до точки назначения недалеко. Захожу в магазин и беру стандартный комплект первого обслуживания забулдыги. Бутылка «Ржаной», пиво «Охота» — как же без нее, — кусок колбасы, хлеб и сигареты. Джентльменский набор, мать его. Оплачивая в кассе, замечаю сочувствующий взгляд девчонки-продавца. Пока еще сочувствующий. А скоро наверняка будет презрительный.

Я посмотрел на свое отражение в зеркале. Да, видок еще тот. Недельная щетина, покрасневшие глаза, наверняка запах от меня еще присутствует неслабый. Картина Репина — спился. Ну еще бы, который день, а точнее, три с половиной месяца каждый раз брать почти одно и то же. И почему девчонка так смотрит, тоже понимаю.

— *Помнишь, как два года назад ты забежал зачем-то в магазин и, пока она возилась с кассой, наговорил ей кучу комплиментов, благо настроение было отличным. С тех пор она постоянно тебе улыбалась и перекидывалась парой фраз.*

Да помню я, помню, только от этого еще хуже. Надо быстрее домой: чем меньше народу меня видят в таком состоянии, тем лучше. Хотя пошли они все. Не нравится — не смотри.

Ну вот я и дома, еду — в холодильник, а спиртное — на стол. Наливаю в один стакан пива, в другой — водки и прикуриваю сигарету. Пара глотков из обоих стаканов, затяжка — хорошо.

— *Хорошо тебе, а ты подумал, как жить будешь, если денег не найдешь?*

Когда свои финансы закончатся, тогда у Геры возьму.

— *Уже даже не употребляешь слова «одолжить».*

Не употребляю. Какой из меня сейчас работник? Не найду бабок — проживу как-нибудь.

— *Да, а Толяна не хочешь набрать, телефон не забыл?*

Заткнись, «Я», ты просто сука.

— *Помнишь, как профукал неделю назад последний штукарь? Шлюхи понравились? Кто на следующее утро кричал: «Зачем я это сделал»?*

Помню, все помню, к сожалению.

— *Видно, плохо. Придется напомнить тебе, кем ты был и кем стал.*

Сигаретный дым сизыми кольцами поднимался к потолку, а я сидел и вспоминал. Детство, отрочество, юность. Хм.

Где-то я это слышал. Институт. Секция популярного руконогомашества. Соблазны свободной жизни в общаге не прошли даром — и здравствуй, армия. Косить было неинтересно. Мотострелки форевер. Нет, там я времени не потерял. Привили ответственность и избавили от раздолбайства. Я думал, что навсегда. Вновь институт — и она. Десять лет счастья, а потом все закончилось. Я совершил ошибку. Нет, не так. ОШИБКУ! Одну-единственную ошибку, и все закончилось. За год из успешного и уверенного в себе человека я стал тем, кем сейчас являюсь. Безработной пьянью и неудачником.

— *Последние десять лет... что-то ты быстро пролистал.*

Пошел ты. Не хочу вспоминать.

— *И причины, по которым ты...*

Пошел на хутор, сволочь.

— *Пойду, еще как пойду. А куда идешь ты? Вернее, мы.*

Не мы, а я. Ты ко мне никакого отношения не имеешь.

— *Может, «скорую» вызовешь? Пожалуешься на меня? Как тебе такой вариант?*

Голову себе расшибить, чтобы отстал? Так жалко. Своя. И так жизнь не сахар, а еще и голоса слышать стал. Вернее, голос. Да пошло оно все. Лучше опять напиться. Емкость весело забулькала, освобождаясь от содержимого. Так, пора и закусить: половину жидкостей я уже употребил. Достав тушенку, я открыл ее охотничьим ножом. Нож — это единственное, что у меня осталось от меня прежнего. Какая это квартира? Пятая или шестая, а про вещи я уже не говорю. Ну, поехали.

Отступление первое

— Как пропал? Куда?

— Неизвестно. В сфере никаких следов.

— Ты. Понимаешь. Что. Сейчас. Сказал.

— Да, мастер.

— Если хочешь жить, то ты его найдешь. Если нет...

— Я все понимаю, мастер, и прошу вас узнать, не было ли в отношении отступника проявления повторного интереса наших «партнеров»?

— Ты думаешь?

— Не знаю. После их первого вмешательства можно думать все, что угодно.

— Я узнаю, но в любом случае не забывай о моих словах. Не забывай, Хизар, а я постараюсь не вспоминать о твоих отношениях с отступником. Кажется, это называется дружба? Так?

— Мастер, я давно искупил свой проступок.

— Помню. Не я один помню, как ты предал его. Поэтому ты находишься здесь, а он там. Вернее, там он находился. Найди его.

Глава 1 ПРИБЫТИЕ

Черт, как болит голова. Судя по всему, вчера я хорошо нажрался. Попытка открыть глаза ни к чему не привела. Лицо стягивала плотная и непрозрачная повязка. Где я? По ощущению тела, нахожусь явно не дома. Сексодром у меня гораздо мягче. На этой лежанке при проведении операции «Буря в постели» можно заработать инвалидность. Руки и ноги почему-то привязаны к кровати. У Лерки, что ли? Однажды она намекала, что ей нравится экстремальный перепих. Намек я доблестно проигнорировал, и обошлись стандартным, если можно так сказать. Лежу голенький под каким-то одеялом. Так, хватит.

— Лера, ты где? Заканчивай свои приколы.

«А в ответ — тишина. Он вчера...», а я — сегодня.

— Лера.

Неясное бормотание справа от меня. Приплыли. Не у Леры. У нее квартира гораздо меньше, а тут, судя по звукам, жилплощадь метров пятнадцать в длину или в ширину. Остается только Маша. Света вышла замуж, а больше никуда я свое тело в состоянии анабиоза не понесу.

— Машутка, твой медвежонок проснулся.

Чувствую себя полным идиотом. Но если ей с утра не скажешь пару-тройку подобных глупостей, то получишь полный набор обижулес. Нахмуренные брови, надутые губки, еще, не дай бог, конечно, слезы. Венец всему — заявление: «Ты меня не любишь». Я понимаю, что она пытается меня обтесать,

взнуздать и тому подобное, но от этого не легче. Чувствуешь себя персонажем рекламы пивзавода. А любишь, не любишь... Нечем любить. Нечем.

— Маша, давай, соня, просыпайся.

Хорошо, что она любит поспать и не слышала про обращение к Лере. Конечно, девчонки подозревают о существовании друг друга, но подозревать — одно, а знать — другое. Хотя странно, что я вообще к ней поперся. Уже месяца два я не общаюсь с подружками и лишь изредка отвечаю на их звонки.

— Маша! — кричу я в полный голос.

Становится неуютно. М-да. Подобного эха отродясь в ее скромной пятикомнатной квартире не было. Машин папа, весьма небедный человек, таких спецэффектов не потянет. Не по причине их стоимости, а ввиду отсутствия наличия подобной аппаратуры. Это чертово бормотание начинает действовать на нервы. Блин, где я нахожусь? Ну, вспоминай вчерашнее. Вспоминай!

Твою тещу, в голове туман и различные обрывки. Вот я до блестно надираюсь и начинаю сам с собой общаться... Или нет. Точно нет. Этот долбаный «Я» появился до того как. Ясненько. Допился. Видно, меня потянуло на подвиги. Черт, до вчерашнего дня эта моя особенность мне не мешала по жизни. Способность много употреблять, не пьянея, с одной стороны, вещь хорошая, но с другой... Ясненько, пошел за догонкой — и начудил. Вот черт, как в туалет хочется. Терпи, сволочь. Ясен пень, что я не в ментовке, — доводилось. Знаю порядки и правила слишком хорошо. Значит, все-таки дурка. Терпи, сволочь, сам виноват.

— Есть тут кто?

Ни привета, ни ответа. Буду ждать, что еще остается. Ну и порядки здесь. Хотя пока я не узнаю, что вчера натворил, свою оценку происходящего могу только засунуть в известное место. О, вот, кажется, и местный персонал. До меня начали доноситься звуки шагов, сопровождаемые механическим лязганьем. Судя по шагам, больше одного и меньше десяти. Смешно, ха-ха.

Группа обходчиков остановилась около меня. Все-таки трое. Один около головы, двое по бокам.

— ...— произнес один из них.

— Уважаемый, по-гыргырски не понимаю.

— ...— продолжил недоумок.

— Командир, я даже таких матюгов не знаю. Развяжите лучше, я обещаю вести себя прилично, в туалет очень надо. Срочно. Я...

Удар в живот заставил меня проглотить предложение о любви и мире.

— Суки!

Голову словно сдавило тисками. Повязку сорвали с лица. Какой-то старик. Его глаза. Глаза.

Сколько времени это продолжалось, не помню. Когда я очухался, вокруг никого не было. Вот это я попал. Нахожусь внутри помещения, сильно похожего на храм. Высокие окна, купол над головой, неф, что-то вроде алтаря, множество толстых свечей на массивных подсвечниках. Не говоря уже о том, что стены и потолок покрыты изображениями дядек с нимбами. Что за черт? С каких это пор задержанных определяют в церковь? Снятие первичных показаний тоже ни в какие ворота не лезет. Мысли в голове — одна поганее другой. Самую бредовую, объясняющую подобную несурязицу, послал подальше. Нечего пугать народонаселение. Дождусь получения более полных данных, тогда и буду коленками дрожать. Начитался фантастики. Блин. Если бы от ерша такое было возможно, то Россия моментом бы обезлюдела. Одно хорошо: в туалет уже не надо. Сходил, если можно так выразиться. Три раза ха-ха. А за окнами уже ночь. Ждем-с. Кстати, голова совершенно перестала болеть, и в теле легкость приятная образовалась. С чего бы это?

Местные долго ждать себя не заставили. Примерно через полчаса мое одиночество пришли развеять двое закованных в железо организмов. Наблюдая за их приближением ко мне, посланная подальше мысль с утроенной силой начала долбиться в череп. Я не являюсь фанатом реконструкции, а к толкиенутым, изображающим из себя по окрестным лесам эльфов, орков и прочих придурков...

М-да, к ним я относился, как к недосмотру нашей медицинской системы оказания первой и последующей психиатрической помощи.

Однако немного в железе разбираюсь. По крайней мере, белый доспех¹ от кастен-брута² отличить смогу. Покажите мне мужика, которого выставка железок Средневековья оставит равнодушным? Латные доспехи декоративной жестянкой не выглядели. Да и риттершверты³ с кинжалами⁴ на поясах смотрелись внушительно. Кто я такой, чтобы ради меня устраивать такое представление? Нет, год назад некоторые личности пошли бы на большие траты, чтобы иметь возможность лицезреть мою физиономию у себя в офисе. Но сейчас и в данном антураже? Кстати, парни дистрофией совершенно не страдают, а учитывая мое недавнее прошлое...

Мне становилось все грустнее и грустнее. Остановившись по бокам лежанки, клоны калифорнийского губернатора внимательно на меня посмотрели. Потом быстро достали кинжалы и, перерезав веревки, рывком поставили меня на ноги.

— Синхронисты ..., — вырвалось у меня. — Я вам что, мешок с картошкой?

— Кто такие синхронисты, дэрг? — внезапно спросил правый братец-клон.

— Это те, кто всякую хрень делает одновр... Постой, ты понимаешь меня?

Удар в челюсть был хорош, очень хорош, а учитывая наличие на руке латной перчатки — так вообще сказка. Но долго поскучать на полу мне не дали. Подождав, пока я сделаю слабую попытку сесть, долбаные металлисты опять подняли меня на ноги.

— Еще раз обратишься ко мне на «ты» — отрежу язык. Ясно?

— Да.

— Иди вперед, дэрг, — продолжил один, накинув на меня хламиду и указав направление движения толчком в спину.

Делать нечего, возмущаться тем более. Нравы тут, видно, очень простые и незатейливые. Этот отрежет не только язык. Я искоса наблюдал за клонами, идущими на полшага позади меня. Выражение их лиц свидетельствовало о моей необы-

¹ См. Приложение. Железо средневековой Европы.

² См. там же.

³ См. там же.

⁴ См. там же.

чайной активной любовной связи с их родственницами женского пола. А у того, что справа, похоже, я поимел еще и пса. Кстати, бил, собака бешеная, осторожно, уж в этом я понимаю. Кожа нигде не рассечена, челюсть и зубы целы. При наличии кастета в виде стальной перчатки нужно очень постараться, чтобы обойтись без вышеперечисленного. Тогда вопрос — зачем бил? Детство трудное в заднице играет? Ладно, не буду забивать себе голову.

Выйдя из храма посредством все того же толчка, я направился к низкому одноэтажному дому. Темноту лишь немного рассеивали факелы на высокой стене, окружающей церковное подворье. Немного света давала и луна. Странный свет, никогда я не ви... Твою тещу. От удивления я остановился. Две луны — жемчужного и розового цвета. Попал. Щипать себя я не стал. Челюсть довольно ясно намекала, что это не сон.

— Иди вперед, не останавливайся.— Клон номер раз, отягощенный вредными привычками, вновь захотел применить физическое воздействие.

— Уважаемый, две луны — так и должно быть?

— А сколько тебе нужно — три? — хмыкнул он.

Не ответив, я пошел дальше. Три. Мне и двух уже много. Я не сплю — это точно. Две луны, а уж об их цвете и говорить нечего. Окружающая меня действительность... Глюками я никогда не страдал, да и на похмельный бред это не спишешь. Чувствую себя на удивление хорошо. Такого давно не было. Дедок помог? Вполне возможно. Клоны на актеров совершенно не похожи. Попал. Вернее, не попал, а стал попаданцем. Черт, как неуютно-то. Как, и главное — почему?

— *А тебе не фиолетово?*

«Я» — сколько лет, не прошло и полугода. Насчет того, что я не страдаю глюками, погорячился. Хотя ты прав: мне уже все ниже пряжки. Попаданец так попаданец. Хорошо, что не зас...

— Стой,— положив руку на плечо, остановил мои мысли и тело разговорчивый клон номер раз.

Пока я размышлял о себе любимом, мы уже пришли. Постучав в дверь — вежливый, однако, сразу и не скажешь,— и дождавшись ответа, клон вошел внутрь.

— Вперед,— прорезался клон номер два.

Надо же, оно умеет разговаривать? Как обманчива внешность. Хорошо, что я не ежик. Подозревал, правильно подо-

зревал. Обмануть хотели. За дверью оказалась большая комната. В ее центре располагался стол, заваленный бумагами, два стула и дедок. Знакомый дедок, уж эти глазки я не забуду.

— Садись, Влад,— начал он,— я — отец Эстор из ордена Знающих.

Надо же, имя мое знает, хотя я ему не был представлен. Присядем.

— Вижу, ты уже понимаешь наш язык. Разговаривать можешь?

— Да.

— Отлично, значит, обучение прошло успешно. Благодаря Создателю и милость Его. Сейчас я расскажу тебе, где ты очутился. Расскажу очень просто. Не перебивай меня. Если у тебя будут вопросы, задашь их, когда я закончу.

Перебивать — как же, жди. Уже ученый местным порядкам, а если чего-то не понял — так вот братцы клоны по бокам. Объяснят подробно и дотошно.

— Я понял.

— Сначала везде была пустота. Но мир не терпит пустоты, и появился Творец, и стал он создавать миры. Арланд — один из них. Благословенный Хион и Лайя с Тайей освещали его днем и ночью. Он стал жемчужиной Его творения. Не мог Он оставить его без присмотра, и, покидая Арланд, сотворил Он из души своей Сына и оставил Его здесь, дабы преувеличивал он красоту Арланда. Минули века, и загрустил Сын. Высокие горы, прозрачные реки, могучие моря создал Он. Покрыв землю лесами и полями, лугами и озерами. Воздух, землю и воду заполонили птицы, рыбы и животные. Но больше не радовалось сердце Сына. Некому было, кроме Него, любоваться Арландом, некому было помогать советом Ему. И создал Он драконов — хозяев неба, и создал Он тритонов — хозяев моря, и создал Он эльфов и гномов — хозяев земли и недр ее. И забурлила жизнь на Арланде. Еще прекраснее с каждым годом становился мир. Первые были хорошими помощниками Сыну. Вместе украшали они Арланд на радость Ему. Одна только печаль осталась у Него: не вправе считали первые советовать что-то Сыну. Да и не считали нужным. И создал Он тогда людей, и поделился Он плотью и кровью Своей с ними. И разделил душу Свою с ними. И стали люди первыми помощниками Ему. И воздух, и земля, и вода подвластны были

им. И преисполнилось восхищением сердце Сына от великолепия мира. И захотелось Ему, чтобы вместе с Ним порадовался и Отец Его. И отправился Он на поиски Творца. И нашел Сын Отца. Поделится радостью Своей. Обрадовался сначала Творец и Сыну своему, дал Ему имя по делам Его. И нарек Сына Создателем. Но мрачным потом стал Творец. Рассказал Он, что есть у Создателя брат. Но не пошел он по пути Отца, ненавистно стало ему любое творение. Разрушение всего стало страстью его. И опасался Творец, что Разрушитель придет на Арланд. И отправился обратно Создатель, терзаемый тревогой за Арланд. И прибыл Он, и увидел хаос, смерть и разрушения на месте цветущего мира. И первые, и люди, и животные, и рыбы, и птицы — все убивали и уничтожали друг друга. А над Арландом стоял смех. Смех Разрушителя. Вскипело сердце Его, и бросился Он в битву с Разрушителем, стараясь спасти оставшихся в живых. Долго продолжалась битва. Арланд стонал и менял свой лик. Горы становились морями, а моря — горами. Изгнал из Арланда Создатель Разрушителя. Но в битве той ранен был Создатель и ушел к Отцу своему залечивать раны. И ждет Его Арланд с тех пор. Ждет и вздыхает.

Дедок, вернее, отец Эстор, откинулся на спинку стула и замолчал. Вот это проповедь. Не знаю как прихожане, а моя училка русского и литературы под впечатлением данной речи точно поставила бы кол исполнителю. Стилистика не хромает, а ползет и молит всех встречных добить ее ногами. Интересно, а у этих первых есть комитеты в защиту прав их рас или нет? Сделал, понимаешь, их Создатель, а они, оказывается, только бездушные исполнители. Вот и пришлось ему в срочном порядке потом креативщиков строгать. Дострогался Создатель. Слишком уж хорошо их сделал. Насчет первых я не знаю, не удавалось до сих пор познакомиться, а вот насчет того, что собой представляет человек, да еще при отсутствии контроля сверху, знаю очень хорошо. Скотина еще та. Создатель отлучился — и понеслось. Ладно, хи-хи в сторону. Надо выяснить у падре непонятки.

— Па... отец Эстор, а я тут при чем? Гномы и эльфы — понятно, но...

— Я тебя понял, Влад. Понял, что ты спросил и чего не спросил. Ты появился в гнилом пятне.

— ???

Падре улыбнулся и продолжил: во время битвы на Арланд падала кровь как Создателя, так и Разрушителя. Если капля Создателя падала на человека, он мог стать святым, на землю — она благословлялась, и так далее. Соответственно и наоборот. Рядом с местами на земле Арланда, отмеченными печатью крови Разрушителя, находятся гнилые пятна. Во время вдоха в этих пятнах иногда появляются различные существа из иных миров. Церковь берет их под свою опеку и разбирается с каждым из них отдельно. То ли существо — слуга Разрушителя, то ли прибыло из мира, находящегося под его властью. Соответственно каждому воздастся по деяниям его. Заблудшим мы помогаем встать на путь истинный, а закоренелых очищаем от скверны. Заботимся об их теле и душе.

— Я?

— Ты — дэрг, на тебе есть следы печати Разрушителя, но жил в своем мире по законам Создателя. Я внимательно просмотрел твою память и никаких грехов не нашел.

Вот это новость. Насчет плоть от плоти — это, конечно, падре загнул. Но отсутствие грехов? При моей работе, бывшей работе, быть исусиком невозможно, да и по жизни я вытворял немало. По крайней мере, по УК за мои художества светил срок. Хотя откуда я знаю, что в его понимании грех? Может, то, что висит на мне, — это так, мелочишка. Зато теперь немного понятен принцип обучения языку. Просмотрел память — и немного добавил в голову. Одной головной болью меньше. Опять же о других мирах в курсе. На тупого святошу совершенно не похож.

— *Вернись в реальность, падре смотрит.*

Черт, действительно я увлекся. А падре-то внимательно на меня смотрит. Анализирует что-то.

— Отец Эстор, а что со мной будет дальше?

— Ничего. Сейчас братья Лон и Сенар проводят тебя в келью, — указал падре поочередно на клонов, — и ты приведешь себя в порядок. А завтра покинешь пределы храма Единого. Первое время за тобой будет присматривать один из местных жителей. Ты поживешь у него, освоишься и будешь жить дальше так, как захочешь. Ступай.

Я поднялся и пошел за конвоем. Голова была пустой, как

барабан. Перебирая механически ноги, я и не заметил, как мы пришли на место моего ночлега.

— Ночевать будешь здесь.

Любезный брат Лон толчком в спину отправил меня в келью. Дверь захлопнулась и, судя по звуку, была заперта на засов. Я осмотрелся. Местное КПЗ мне понравилось. Чистые стены, нормальные нары, параша — как же без нее, — но главным было другое. Здоровенная бочка с горячей водой и большое полотенце, лежащее на кровати. Скинув хламиду, я с наслаждением залез в бочку. Класс. Вот это сервис. Кое-кому на Земле стоит перенять наработки местных в области обслуживания временных постояльцев. Лежа в своеобразной ванне, я прокручивал в голове сегодняшние события. Пока все говорило о том, что придется воспринимать этот бред моего спившегося воображения всерьез. Все совпадало с ним до мельчайших нюансов. Одежда, обстановка, пол и то был из неструганных досок, — что говорить о количестве лун. Бред, но пока нет фактов, его опровергающих, нужно воспринимать все на полном серьезе. Ладно, вспомню мой любимый принцип разбираться с проблемами не по мере их поступления, а по мере возможности их решить. Что я сейчас могу сделать? Да ничего. Ничто от меня не зависит. Я ноль без палочки, и придется с этим смириться. Не забивать голову. Я вылез из ванны и с наслаждением вытянулся на топчане. Класс. Не люкс, но жить можно.

Глава 2 ЗНАКОМСТВО

«Утро красит нежным светом». Совсем не вежливый стук в дверь прервал самую сладкую утреннюю дрему.

— Вставай, — глухо прорычали из-за двери.

Не дождавшись внятного ответа, в дверь ввалился братец Лон. Сурово посмотрев на мою выспавшуюся физиономию, он облагодетельствовал меня свертком одежды.

— В лицо зачем? — возмущенно заявил я.

Тихо так заявил. Совсем скромно. По утрам я вообще стеснительный.

— Одевайся и выходи во двор. Жду недолго.

Братец Лон развернулся и, громыхая навешанным железом, избавил меня от своего общества. Вот так, стоит проявить свое возмущение тихо в подушку, как за человека принимать перестают. Одежда меня позабавила и заставила вновь задуматься. М-да. Все детали совпадают. Рубашка с воротом на костяных пуговицах, холщовые штаны, шерстяной плащ с капюшоном и берет. Придется одеваться, так как джинсу здесь не носят. В качестве обуви были предложены короткие сапоги с портянками. Я аж умилился. Давно я это не обувал. Не желая затягивать процесс знакомства с обстановкой, я быстро оделся и выскочил во двор.

А народу сегодня прибавилось. Воскресенье у них, что ли? Все подворье храма было забито людьми. Мужчины в подобии моей одежды соседствовали с настоящими средневековыми франтами. Женщины в длинных платьях и платках, детвора, парочка телег и лошадей. Картина Репина — церковный праздник на селе. Только для праздника было слишком много острых игрушек на здешнем народонаселении. Мужики все сплошь в нагрудниках из кожи и стали. На поясах мечи и кинжалы, что соседствовали с секирами¹. Да что мужики. Бабы все с железом ходят. Только размеры игрушек и их количество поменьше. Наверняка чтобы сильный пол не заработал комплекс неполноценности. Сильный пол увлекался фальшионами² и палашами³, а слабый — только кинжалами и стилетами⁴. Попал. Что там падре говорил про происходившую резню и всякую другую хрень? Она ведь закончилась. Наверно. Черт с ним. Потом, все потом. Я подошел к Лону, который плотно общался с коренастым мужиком средних лет.

— Доброе утро. Я так понимаю, что мне к вам на постой? — спросил я, смотря на второго.

Мужик хмыкнул, а клон ожег взглядом.

— Матвей, вот за этим человеком и просил присмотреть отец Эстор первое время. Бывай.

Лон развернулся и пошел к храму. А храм был хорош. Вче-

¹ См. Приложение. Железо средневековой Европы.

² См. там же.

³ См. там же.

⁴ См. там же.

ра вечером я этого не разглядел. О ночной подсветке красивых зданий здесь наверняка имели самое поверхностное представление. Высокий, легкий силуэт. Храм, казалось, готов был взлететь. Шпиль старался проткнуть небо. Стрельчатые окна и арки добавляли храму легкости и изящества. Архитектор постарался на совесть. Учитывая, что храм без шпиля был высотой с пятнадцатипятиэтажный дом и имел соответствующую ширину, придать массивному зданию ощущение легкости и стремительности дорогого стоит. Я даже не мог сказать, какое сооружение он мне напоминает. Храм был уникальным.

— Нравится? — раздался голос мужика.

— Очень, — откровенно сказал я.

— А то. Единственный на Севере храм Единому. Второго такого здесь нет. В Белгоре храм Создателя не меньше, но впечатления совсем другие. Садись в телегу, поедем.

— Куда? — не понял я.

— В Белгор, — удивился мужик. — Я разве не сказал?

Не сказал. И тупишь ты правдоподобно. Следующий раз глазки спрячь. Слишком они у тебя цепкие. Я хмыкнул и уселся в стоящую рядом телегу, запряженную клячей.

Без оркестра и парада мы покинули храмовую площадь и выехали за массивные ворота.

— Скажите, Матвей, как вас по батюшке?

— По батюшке не надо. Болел сильно и умер уже давно.

— Что? — растерялся я.

Матвей улыбнулся в короткую бородку.

— Пошутил я. Матвеем просто и зови. А я тебя Владом буду звать. По-простому у нас в городе привыкли общаться. Шапку ни перед кем не ломаем, но и свою сбивать не даем. Матвей.

Матвей так Матвей. Мне легче будет. Итак, главная на сей момент задача состоит в получении максимальной информации. Газет и телевизора я не вижу. Придется старой доброй болтологией потрудиться.

— Хорошо, Матвей. Подскажи, сколько времени мы будем ехать?

— Час, не больше. Храм недалеко от города.

— Матвей, не расскажешь мне о Белгоре? Я недавно здесь и...

— Знаю, что ты здесь недавно и где появился. Вот что, Влад,— повернулся ко мне Матвей,— отец Эстор не стал тебя вводить в курс дела. Занят очень — такой большой человек, что страшно иногда становится,— усмехнулся он.— Знаю, что он считает тебя дэргом. Это его дело. Его проблемы. Главное, что, кроме него и нескольких других церковников, никто об этом не ведает. Орден Знающих¹ не любит распространяться о своих секретах. Других об этом совершенно не нужно информировать. К существам, появившимся в гнилых пятнах, особое отношение. Видел дрова во дворе?

Я кивнул. Краем глаза я заметил приготовление в углу церковного подворья к большому пионерскому костру.

— Двое вас появилось во время вздоха. Тебя вот отпустили, а второго сжигать будут. Не прошел он проверки на лояльность Создателю.

Я остолбенел. Моего соседа по храму будут сжигать. Это так заботятся о теле и душе закоренелых? Весело. А если это мой земляк? Вместе стали попаданцами... Падре в голове у него увидел разную хрень — и на костер. И что мне делать? А ничего. Вариант с возвращением и объяснением с падре мне совершенно не понравился. Я на белом коне... Где его взять? Я на коне влетаю во двор и говорю падре, что он не прав. Он дико умиляется моей сознательности и чувству локтя, дает отбой, а клоны рыдают на коленях. Бред.

— *Сам мог там оказаться.*

Тоже верно. Я, может, и дурак, но не идиот. Тому организму не повезло. Бывает. А вот Матвей внимательно следит за моим лицом.

— Бывает.

— Верно сказал, Влад. Все в жизни бывает. Поэтому правду о тебе в городе буду знать только я. Для всех, в том числе и для моей дочки, ты будешь моим дальним родственником. Мой отец в свое время много стран объехал — вот и появился у него сын на Юге. Потом ты появился. Соответственно ты приходишься мне племянником. Дальше еще проще. Жил ты в глухомани, городов в глаза не видел. Многое тебя удивляет и многого ты не знаешь. Местный барон решил женить тебя на своей любовнице: залетела. Есть тут такой обычай, чтобы ба-

¹ См. Приложение. Структура церкви Арланда.

стардов не плодить. Родился сынок в другой семье — и никаких прав на титул и прочее не имеет, а сам с красоткой дальше забавляйся. Ты почему-то не захотел жениться и дал деру. Обычная история. Вспомнил о своих родственниках в Белгоре и направился сюда. Я тебя встретил и привез в город. Никто тебя расспрашивать не будет. Не принято в Белгоре прошлым интересоваться — не тот город. Влад, запомни эту легенду хорошо. Вдруг пригодится. Если что серьезное нужно спросить — спрашивай у меня, когда поблизости никого не будет. Мелочовку — можешь у других. Твое происхождение все спишет. А еще лучше потерпи с расспросами. Сам смотри, старайся понять, и большинство вопросов отпадет. Все понял? Ничего разъяснять не нужно?

Я кивнул. Нет, я не ожидал, что местные спецслужбы выпустят меня из-под контроля. Наблюдение будет по-любому. Глупо надеяться на их наивность, а падре никем иным, кроме спеца, быть не мог. Но вот отношение к ним Матвея меня удивило. Простому сотруднику не положено так думать, а тем более так отзываться о начальстве. Другие отношения связывают их с падре. Почему тогда меня отдали ему? Зачем ему это нужно?

— *Не о том думаешь, рыцарь плаща и кинжала. Самомнением страдаешь. Вон одного шибко умного уже сжигают без всяких шпионских игр.*

Тоже верно. Не о том думаю. Зачем это нужно Матвею, можно разобраться потом.

— Матвей, мне все понятно, а твоя дочь не сильно будет удивлена появлением братика?

— Нет,— ухмыльнулся Матвей.— Евдокия всегда мечтала о брате. Рада будет. Как приедем, сразу тебя познакомлю, если доча по подружкам не побежала. А что касается всего остального, так ты и вправду родственник мой. Земляк. Что нынче в России делается, земля?

Я не остолбенел, я... Мысли заметались со страшной силой. Все-таки розыгрыш? Где камера и оператор? Где?! Где они, мать их?

— Да не волнуйся ты так,— сказал Матвей.— Ты действительно на Арланде, а не на Земле. Дед мой не родился здесь. Попал сюда, как и ты, сто лет назад. Языку вашему меня обу-

чил и словечкам разным. Вот я парочку раз и ввернул их. Ты все понял и не удивился. Значит, земляк.

К моему специфическому состоянию удивлений, которое называется другим словом, добавилась досада на собственную тупость. Матвей, Евдокия.

— *А рядом с ними Поликарп и Евлампия прячутся, а Эстор, Лон и Сенар — так, погулять вышли.*

А как ловко и быстро он меня просчитал. М-да. Все разговоры о наивности наших предков можно засунуть в задницу. Молодец. Так красиво меня никто еще не делал. Остается списать свою тупость на невероятные обстоятельства моего появления здесь. Здорово меня вышибло из седла, что бы я себе ни говорил. Так, что получается? Тут электрички ходят? Станция Россия—Земля, осторожно, двери закрываются. Следующая станция — Арланд. Горячий прием гарантируем.

— Сюда из России попадают или?..

— Или. Разные бывают существа, не только с Земли — так говорят. Церковники своими тайнами со мной не делятся, да и не все гнилые пятна они контролируют.

Понятно то, что ничего не ясно.

— Жаль, что с твоим дедом нельзя пообщаться, — смог промямлить я. — Мир его праху.

— А он не умер, — посмеиваясь, сказал Матвей. — Сто двадцать пять лет — это для мужчины не возраст. Еще жениться может. Срок жизни тут дольше. В среднем сто сорок лет, и почти до конца жизни мужчина остается мужчиной. Но ты прав. Пообщаться с ним не получится: он сильно занят.

Мое состояние сильного удивления стало принимать гипертрофированную форму.

— А из какого года на Земле он сюда попал?

— Из одна тысяча девятьсот девяносто пятого.

Занавес. То-то я с Матвеем как со своим знакомым общался. Это что получается, один год идет за десять? Или тут нелинейная зависимость? Мозги закипели и отказались шевелиться. Я откинулся на копну сена, лежащую в телеге.

Голубое небо с Хионом на нем притягивает взгляд своей глубиной. Чистый воздух. Птички поют. Грунтовка, плавно изгибаясь, обходит холмы. Лес по обеим сторонам дороги вырублен на триста метров по обе стороны. Обычный такой, смешанного типа лесок. Подобных полно в средней полосе.

Да и трава обычная. А вот с правой стороны что-то в травке лежит...

— Интересно,— обратился Матвей к моему брэнному телу,— гляди.

Матвей притормозил клячу. Лениво приподнявшись на локте, я взглянул на тушку животного, лежащую метрах в пяти от дороги. Ленъ мигом пропала. Тушка представляла собой скотину из фильма «Братство волка», уменьшенную раза в два. Дикая смесь гиены и кабана.

— Что это?

— Тварь, измененная силой Падшего. Видно, не успела до вздоха спрятаться и погибла.

— И много таких здесь водится?

— Много,— успокоил меня Матвей.— Сейчас никого нет, а вот недельки через две или три опять появятся. Живут они около погани и пропадают после вздоха. Почему — не знает никто.

— Только такие бывают?

— Нет,— вновь обнадежил меня спутник.— Разные есть. Много их, вот и называют тварями. Замучаешься различать по отдельным видам. Да и не самые опасные они существа. Вот в погани охотникам попадаютс гораздо хуже.

Собрав остатки мозгов в кучу, я откинулся на сено.

— Поехали дальше. Матвей, расскажи мне о погани и городе. Чем вы вообще здесь занимаетесь?

Матвей хмыкнул и хлестнул вожжами равнодушную ко всему клячу.

— Рассказать можно. До Смуты в этих местах располагался храм Единому. То, что ты видел, было его сторожкой. Маленьким храмом, встречающим путников перед основным комплексом. Храм строили все первые расы и люди. Гномы возвели стены и украсили их барельефами и статуями. Эльфы разбили цветущие сады и рощи, лужайки, украшенные великолепными цветами и растениями. Тритоны создали прекрасные пруды и озера. Люди украсили храм тканями и гобеленами. Драконы придали всему созданному несокрушимость. Не было места на Арланде прекрасней и величественнее, чем храм Единого. Со всего мира стремились попасть сюда существа, чтобы посмотреть на его великолепие, воздать хвалу Создателю и Творцу. Отдохнуть на цветущих лу-

жайках и полюбоваться на спокойную гладь воды. Храм излучал спокойствие, красоту и умиротворенность. Все расы соперничали друг с другом, стараясь сделать храм еще более красивым. Самое ценное, что было у них, приносилось сюда и после долгих споров украшало храм или относилось в его подвалы. Там были расположены кельи для служек и приезжих. Так было до Смуты. Когда она началась, возле храма произошла одна из самых страшных битв того времени. Кто в ней участвовал, сейчас неизвестно. Но существа надолго забыли сюда дорогу. Слишком был велик ужас немногих уцелевших — от масштаба сил, вызванных во время битвы. Да и остались они на месте сражения, отбивая охоту у смельчаков и мародеров. Шли годы. Полыхал весь Арланд, сотрясаемый тяжелой поступью легионов Проклятого. Но настало время — и явился Создатель. Изгнал он Падшего и ближайших слуг его. Битвы еще случались, но по сравнению с прежними они были гораздо менее ужасны. Люди стали вновь заселять покинутые места. Но на северо-восток Сатума¹ они заходить не смели. Создания Падшего волнами выкатывались с местных гор и уничтожали все живое до Красной реки. Однажды один смельчак пробрался в эти места и принес совету Верных страшную весть: храм Единого во время Смуты был осквернен. Чудовищным жертвоприношением он был испоганен. Стал поганью. А центральный алтарь его стал сердцем Проклятого. Многие стали думать, что именно отсюда Падший и начал свое шествие. Лишь небольшой привратный храм остался чистым. Но не это стало самой ужасной вестью. Слуги Падшего, прокливаемые всеми отщепенцы и их союзники из новых рас пытались возродить своего господина. Снова призвать Проклятого на Арланд. Трижды отправлялись армии совета сюда, и трижды они были уничтожены. Все были в отчаянии. Тогда самый молодой член совета и самый могучий маг Лерай Варон предложил план. Многие считали его замысел безумным, но Лерай был настойчив. В конце концов он добился своего. С небольшой группой своих сторонников Лерай отправился в погань. Тайно проникнув в центральный комплекс погани, он уничтожил сердце Падшего, используя для этого жизни своих спутников и свою. Подавляющее

¹ С а т у м — один из трех материков Арланда.

большинство тварей погибло. Остались лишь те, которые обитали внутри погани или около нее. Существа Арланда могли жить дальше спокойно. Жизнь на Сатуме постепенно стала налаживаться. Стали опять возникать королевства. Естественно, без споров и войн они образовываться не могли. Семьсот лет назад в небольшом тогда королевстве Миора у короля родился пятый сын.

Принц Орхет не хотел бороться за власть со своими братьями, но и быть приживалом при дворе он тоже не желал. Войдя в возраст, принц стал командиром наемного отряда. Участвуя во многих стычках и войнах, его отряд прославился. Стать под знамена Серых ястребов хотели многие. Но Орхет отбирал самых лучших. Очень часто его выбор был для остальных непонятен. Да, этот маг или воин был силен, смел и верен. Но на поле боя он был одним из многих. Его специфические навыки не находили применения в обычном бою. Через сорок лет после дня своего рождения принц повел отряд на Север. Повел в погань. Он смог проникнуть внутрь оскверненного храма. Многие знали о сокровищах, которые там находились, но никто не рисковал их забрать из погани. Принц рискнул. Потеряв почти всех своих людей, Орхет добрался до сокровищ и смог унести их с собой. Тогда все поняли его предпочтения при найме существ в отряд. Двадцать лет он готовился к этому походу и сумел добиться успеха.

На полученные богатства пятый принц Миоры смог основать новое королевство. Королевство Орхет, в котором мы и находимся. Оставшиеся в живых после этого похода воины стали знатью этого королевства. Самый безродный пехотинец стал бароном и богатым человеком. Всех уцелевших отец Орхета, безумно гордящийся своим сыном, возвел в благородное сословие. Если они, конечно, уже не были дворянами. Орхет основал свое королевство на северо-востоке, на пустыющих землях. Погань вошла в его состав. Все-таки сокровища, добытые принцем, составляли каплю в море из общих богатств, снесенных в свое время в храм.

На долгие годы погань стала основным источником дохода для молодого королевства. В месте последней стоянки Лерая Варона, перед его рывком в погань, был основан город Белгор. Лерай был могучим магом и очень умным человеком. Привлеченные слухами, в город стали стекаться со всего Ар-

ланда люди, чтобы сразиться с тварями Падшего и стать богатыми. Орхет решил упорядочить этот процесс. Король создал гильдию охотников и стал ее первым магистром. Не все приезжие могли сделаться охотниками. Гильдия принимала в свои ряды только лучших. Лишь своим ученикам охотники раскрывали известные им тайны погани.

Была и вторая причина. Длительное нахождение рядом с поганью оказывало дурное воздействие на многих людей. Они могли быть отличными воинами и магами, верными сынами церкви и друзьями. Но они могли быть такими вдали от этого места. В каждом есть семена тьмы. Иные бурно прорастали в этих местах. Вот с тех пор так и живем. Население Белгора составляют охотники, их жены, священники, купцы, банкиры и лучшие кузнецы Севера. Охотникам нужно лучшее оружие и доспехи. Есть и шлюхи, пекари, шорники и другие. Но Белгор — это город охотников, и все остальные принимают их правила. Вот так и живем.

Падре нужно брать уроки риторики у Матвея. Просто, понятно и величественно излагать, пользуясь голосом как средством для подчеркивания необходимого, очень трудно. Но живут весело. Постоянный бой с тварями. А Орхет — молодец. Создал и натаскал отряд и вырвал с кровью свой кусок мяса. Только почему магистр гильдии? Насколько я помню, главу гильдии называли синдиком. Черт с ним. Может, я плохо помню, а может, погрешность перевода. Что там падре мне в голову напихал, совершенно непонятно. Самое главное — что кроме знания языка он в мои мозги вставил и забыл мне об этом сказать? Совершенно случайно забыл. Черт. Может быть, я все-таки страдаю глюками? Город, подземелья, монстры. Классическая известная эрпегешка. Правда, город не Тристрам или Лут-Холейн.

— *Ущипни себя.*

Спасибо, не надо. Не помогает.

— Матвей, и что, за прошедшие века сокровища не закончились?

Матвей хмыкнул:

— Как тебе сказать. Орхет в подвалы не заглядывал. Того, что было в одном наземном крыле центрального комплекса, хватило ему за глаза. До Смуты у храма было двенадцать подземных уровней. После стало больше. Четыре периферийных

комплекса имеют размеры километр на километр. Центральный — пять на пять.

Я присвистнул. Ни хрена себе. Строили с размахом. А почему Матвей использует метрическую систему? Тут так принято?

— Не думай, — продолжил Матвей, — что так легко пойти и заняться поиском. Хотя ты прав. Практически все известные до Смуты хранилища были опустошены лет за двести. В них стремились попасть в первую очередь, а сколько есть неизвестных, секретных или тех, о которых мало кто знал... Это первое. Есть и второе. Лет шестьсот назад один молодой дворянин не нашел ничего лучшего, чем спрятаться от родственников соблазненной им девушки в одном месте на первом уровне погани. Все были уверены, что там безопасно. Это место считалось очищенным от тварей. Да и сам парень был смельчак. Он приехал в Белгор, чтобы стать охотником, как раз из-за своей бедности. Девушка была не из простых. В погань он ушел только потому, что среди прибывших за его головой был ее брат. Не хотел парень убивать своего будущего, как он считал, родственника. Спрятался в одной келье, а там оказалась тварь. Схватился он с нею и умер бы, если бы за ним в погань не отправились родичи его подруги. Жаркая была свалка. Никто ведь не был подготовлен к ней. Тварь все вместе убили. Нашли при ней сундучок с драгоценностями. Поднялся шум, и тогда в первый раз обратили внимание на одно событие, произошедшее несколько дней назад. Тогда-то и случился первый вздох погани. Потом выяснили, что после вздоха отмеченные печатью Падшего, кровью, злодейством или иным вещи и существа со всего Арланда иногда оказываются в погани. С тех пор так и живем. Погань не оскудевает. Охотники всегда имеют кусок хлеба, а после вздоха, как теперь, в Белгор прибывает куча народу. На город посмотреть, в погань спуститься. Идиоты.

Матвей сплюнул и замолчал. Видно, что эта тема была для него болезненной. Почему? Ладно, переведем разговор.

— А с парнем что было?

— С ним? Да не было с ним ничего. С сундучком он оказался завидным женихом. Убивать его в погани родичи девушки не стали. Кто ж после совместно пролитой крови своего соратника убивать будет? Так что когда через три дня в Бел-

гор пожаловала соблазненная леди, полная тревоги за своего соблазнителя, прямо в городе свадьбу и сыграли. Маленьким был тогда Белгор. Весь город на свадьбе гулял, вот и запомнили это событие. Парень охотником так и не стал. Ему уже это было не нужно.

Чувствую, что в рассказанной истории нужно подробнее разобраться, кто кого соблазнил. Почему-то всегда в таких делах обвиняют мужчин, а все девушки ну очень сильно сопротивлялись и совершенно не это имели в виду, когда приглашали кавалера в свою спальню. Сча-аз! Стихи там другу другу удобнее рассказывать.

— Так как там, в России? — спросил Матвей.

Ну что я ему мог ответить? Краткое описание всеобщего сумасшествия и бардака заняло десять минут. Матвей во время моего рассказа хмыкал, а иногда сильно ржал.

— Бывает, — посмеиваясь, заявил он после окончания моего рассказа.

Действительно бывает. Но почему-то только у нас. Другой такой страны не было и никогда не будет. Одни либерасты и педекраты чего стоят — что теперь, что пару сотен лет назад. Добавить сюда постоянное присутствие на троне, или как там его обзывали, неадекватных личностей — так вообще. Несколько редких исключений не отменяют общего правила.

Грустил я недолго. Для меня это уже прошлое. Хотя ржач Матвея над событиями конца тысячелетия и начала нового задел. Да пошло оно все...

— Где жить буду? — задал я животрепещущий вопрос.

— У меня. Я держу в городе корчму для благородных. Не люкс, конечно, но все удобства гарантирую.

Ничего себе корчмарь. С полотенцем через руку я себе Матвея не представляю. Слишком уж шел к его облику висящий на ремне фальшон. Кожаная кираса¹ и парочка кинжалов только добавляли колорита облику корчмаря.

— Там и будешь жить, — продолжал Матвей. — Как освоишься, тогда и думать будешь, чем заняться. Ты кем на Земле был?

— Последнее время мудаком, — откровенно признался я. — А так — больше по торговле работал.

¹ См. Приложение. Железо средневековой Европы.

— Купец?

— Нет. Только этой головной боли мне не хватало. Скажем, так, — я замялся, — можно сказать, что я помогал одной купеческой гильдии получать прибыль — занимался определением степени выгоды покупки товара или его продажи. С этого и жил.

— Как жил?

— Как идиот! Всем был доволен, — взорвался я.

Матвей замолчал. Да и мне стало неудобно за свою вспышку. Он-то при чем? Сам тут появился по непонятной для самого себя причине. А то, что год назад у меня пошло все прахом... Хватит, не надо об этом думать. Не надо. Это — прошлое.

— Влад, сейчас подъедем к холму. Оттуда хорошо видно Белгор.

— Отлично.

Забудем. Все забуду. Тем более что есть на что посмотреть.

С холма открывался вид на город. Квадрат толстых и высоких стен, метров семьсот на семьсот, украшенный двадцатью шестью башнями, впечатлял. Ворота в городе были всего одни. Между двумя башнями стояла еще одна — в центре стены. Низкая, угловатая и массивная. М-да. Это был не город. Это была мощнейшая крепость. Ровные узкие улочки делили ее на почти равные квадраты. Исключения составляли пять мест. У дальней стены, окруженная тремя высокими зданиями, находилась небольшая площадь. В ста метрах от ворот — площадь побольше. Ее пересекали на части торговые ряды. Ничем иным выстроенные в линию одноэтажные дома и палатки быть не могли. Третье исключение находилось в центре города: большой храмовый комплекс включал в себя и частичку леса. Я понял слова Матвея. Никакой легкости и стремительности в этой постройке не было. Была суровость воина, приготовившегося к смертельной схватке. Четвертым исключением явился квадрат пятьдесят на пятьдесят метров, окруженный непроницаемой завесой. Последним был прямоугольник пятьдесят на сто метров, над которым тонкой струйкой вился дым.

— Великолепный город, — откровенно признался я. — Почему нет одноэтажных домов, я понял: места мало. Храм, го-

родская площадь и рынок — тоже ясно. А вон что за квадрат и прямоугольник?

Я указал на эти места. Матвей хмыкнул:

— Полигон для охотников и городская кузня.

— Понял.

А что непонятного? Полигон — и в Арланде полигон, а кузня — тем более.

— А где твоя корчма?

— Вон там,— указал пальцем Матвей,— около городской площади.

Я присмотрелся. Козырное место в двух кварталах от места расположения городских шишек. Матвей тронул вожжи, и мы стали спускаться.

— Матвей, я вот что хотел спросить. Вопрос дурацкий, но очень интересно. Что у вас здесь с золотом случилось?

— Ничего,— недоуменно ответил он.— Есть золото, серебро и драгоценные камни.

— А почему у многих на церковном подворье и у тебя на пальцах стальные кольца?

— Глазастый. В этих кольцах заклинания размещены. Малые артефакты это. Как нужно будет применить, так слово или жест сделаешь — и все, заклинание на свободе. А что из стали, так разрушают первостихии свою тюрьму. Чем дольше они в кольцах заключены, чем чаще ты ими пользуешься, тем быстрее выходят артефакты из строя. Разрушаются они. Вот поэтому и делают артефакты из стали. Те, кто не владеет магией, их и покупают. Маги из вторичных или других школ тоже могут носить. Пока они свою магию применяют, времени может пройти много, чтобы можно было остаться в живых. А первостихии — самые мощные и самые простые силы. К тому же дольше всего артефакт именно с ними служить может. Это тоже немало. Новый дорого стоит, а как заканчивается сила — иди к магу: он тебе и зарядит артефакт. Я ответил на твой вопрос?

И что тут сказать? После ответа на один вопрос у меня появилось с десяток других. Блин. Как плохо быть не в теме. Наверняка это для местных обыденная и привычная вещь. Задай я свой вопрос любому другому — меня бы совсем неправильно поняли. Прав Матвей. За непонятками — только к нему, но если я буду спрашивать о каждой мелочи, то он скоро меня

пошлет и будет прав. Недаром сказал: раскрой глаза и уши — и большинство вопросов исчезнет. Чувствуется опыт общения с попаданцами. Интересно, который я?

— Матвей,— спросил я у ухмыляющегося плохого человека,— скольким ты уже помог и почему ты это делаешь?

Ухмылку Матвея сменила грустная улыбка. Так могут вспоминать о чем-то дорогом и безвозвратно потерянном.

— Я это делаю по многим причинам. Главная — та, что мой дед в свое время помыкался, когда его пинком вышибли из храма Единого, как тебя сегодня. Едва не погиб, пока в Белгоре не устроился, корчму не поставил. А что касается твоего второго вопроса, так ты второй человек за двадцать с лишним лет, которому я помогаю. Остальных сожгли или в монастыри отправили.

Ни хрена себе статистика! Я в рубашке родился. Вот это да.

— *Повезло.*

Не то слово. О... очень повезло. Размышления о причинах моего везения много времени не заняли.

— Подъезжаем.

Я отвлекся от раздумий и огляделся. Действительно, мы почти подъехали к воротам.

— Матвей, нас кто встречает?

— Обычный наряд. Дежурный маг, вон тот парень в плаще, и десяток стражей. Сейчас будут проверять на наличие личины и силы Падшего.

— Понял. А почему отец Эстор называл его Раз...

— Молчи!

Я осекся.

— Так Его можно называть в защищенных местах. В храмах, в доме, прикрытом сильными заклинаниями. В Белгоре все дома так защищены, иначе нельзя. Но даже в таких случаях лучше не рисковать. Мало ли что может случиться. Вот и называют Падшим, Темным, Проклятым, как хочешь, только не истинным именем.

— Понял,— обескураженно ответил я.— А...

— Отец Эстор — из ордена Знающих. Великой веры человек. Ему можно хоть на улице кричать. Остальным не рекомендуется. Он специально приезжает в храм после каждого вздоха. Смотрит, что да как.

Понятно. Если не имеешь сил уничтожить противника, то его нужно пытаться контролировать и время от времени бить.

Сама проверка не заняла много времени. Подошедший организм, закутанный в синий плащ, поздоровался с Матвеем и сделал пару неприличных жестов руками. Пробормотал ругательство — иным эта абракадабра быть не может — и дал добро на проезд. Провожаемые внимательным взглядом стражников, особенно одного из них, мы проехали в город.

— Матвей, а сколько стражников в Белгоре?

— Четыре сотни.

— А почему один их этих четырех сотен так на меня и тебя смотрел? У него с тобой проблемы?

Матвей рассмеялся. Копыта звонко цокали по мостовой. Наверно, именно это вызвало такой приступ веселья.

— Так это Арн со своими людьми сегодня на воротах дежурит. Проблемы... — Матвей опять прыснул. — У меня есть одна большая проблема. Дуняше семнадцать лет через месяц исполнится — вот и обзавелась ухажерами. Тремя сразу. Теперь вот Арн и думает, кого я привез в город. Четвертого? Мало ему остальных? Пусть помучается.

Да, с такими проблемами я не сталкивался. Взрослеющая дочь. Тут я сказать ничего не могу. Я имею опыт брата, а не отца.

— Матвей, а почему город пустой?

— Так самое лучшее время было сегодня ночью. Охотники по ночам привыкли работать. Днем большинство тварей спят, и риск не заметить их велик. Очень чуткий у них сон. Да и не сон это вовсе. Вот когда они бодрствуют и занимаются своими делами — тогда другое дело. И заметить можно заранее, и принять решение есть время. Охотники не убивают тварей, большинство по крайней мере. Охотники ищут ценности. А прикончить пару тварей можно, когда ты уже получил то, чего хотел, и соблюдать тишину тебе совсем не нужно, и выход рядом. Вчера утром прошел вздох, и все твари убралась с поверхности. Да и на первых уровнях их поменьше стало, вот все в погань и направились. Все равно в ближайшие две-три недели охотники в погань ни ногой. Смертники понаедут, и о нормальной работе придется забыть.

— А кто такие смертники?

Матвей вздохнул:

— Влад, мы уже приехали. Сейчас сядем за стол, поедим, и я отвечу. Молчун, принимай!

Действительно, уже приехали. Высокие и прочные ворота открылись, пропуская телегу в небольшой, но уютный двор. Над крыльцом висела вывеска «Пьяный кабан». Надо же, я и читать умею. Спасибо падре. Внутри нас встречал гигант. Братцам клонам до него — как мне дотуда же.

— Молчун,— Матвей прыгнул с телеги,— познакомься. Мой племяш — Влад. Он — Яр Молчун.

Я пожал руку пробурчавшего что-то гиганта. Молчун, что с него взять.

— Отведи лошадь в городскую конюшню. Дуняша есть?

Дождавшись отрицательного движения головы, Матвей улыбнулся:

— Так и знал. Шило у девчонки в мягком месте. К подружкам побежала. Пойдем, племяш.

Постоялый двор Матвея был уютным. Небольшой пустой зал на семьдесят — восемьдесят персон, стойка с напитками, открытая дверь на кухню. Широкая лестница, расположенная в левом углу зала, вела на второй этаж, где находились комнаты.

— Лошадь не твоя?

— А зачем она мне? Продукты в город привозят. Местным вообще лошади не нужны. Город маленький, а захочешь куда-нибудь поехать — так бери из городской конюшни, и вперед. А свое стойло я держу для лошадей приезжих.

Понятно. Арендванный транспорт не подразумевает наличия высокого качества оного.

— Садись,— указал Матвей на один стол.— Лайда, принеси поесть.

Одна из четырех симпатичных девушек, сидящих за одним столом, пулей метнулась на кухню.

— Так вот,— начал Матвей,— смертниками называют в Белгоре приезжающих во время вздоха идиотов, стремящихся за подвигами и богатством. Захотел кто-то прославиться, показать своим друзьям и знакомым леди голову твари из погани. Другой решил, что ему обязательно повезет и он наткнется сразу на богатый клад. Да мало ли по какой причине придурки суются в погань. Таких приезжих много. В обычное время сюда трудно добраться. Кроме Белгора за Красной реч-

кой находятся только с десяток замков и три десятка сел. И те, и другие укреплены очень хорошо: твари рыщут вокруг. Это место является частью герцогства Тариса. Герцог был бы рад его очистить, да сил не хватит ни у него, ни у кого на свете. Пару раз эти земли очищала королевская армия, но проходило время, и все возвращалось на круги своя. Спасибо, Лайда, — поблагодарил он девушку.

Симпатяшка выгрузила на стол пару подносов с восхитительными ароматами, кувшин и две кружки. Желудок стал настойчиво напоминать о себе. Мол, вчера не кормили, а сегодня уже обед. Матвей отсутствием аппетита тоже не страдал. Несколько минут над столом царил почти полная тишина. Наконец мы закончили. Откинувшись на невысокую спинку широкой скамьи, я приготовился слушать дальше. Тем более что кувшин великолепного пива был еще наполовину полон.

— Проходило время, — продолжил Матвей, — и твари вновь появлялись. Вот и осваиваются эти земли медленно и очень осторожно. Потери никому не нужны. Торговые караваны, которые здесь бывают, состоят из местных. Они знают каждый куст. Знают, чего бояться и как можно спастись. Наступает вздох — и все приезжают. Обычные торговцы, любопытные, девушек много приезжает, — подмигнул мне Матвей, — и эти смертники тоже. Суются на безопасные, как им кажется, первые уровни. Гибнут толпами. Привлекают внимание тварей и создают суматоху. Охотники в это время в погони не работают. По-глупому никто не хочет погибать. Сейчас никто еще приехать не успел, а вот к завтрашнему вечеру Белгор будет битком набит приезжими. Хорошо, что хоть продавцы перестали сюда соваться. Не любят тут жуликов: вешают. А так всем рады, кроме смертников. Охотники тоже люди — и отдыхать хотят, и поразвлечься. С девушкой познакомиться, в театр ее сводить. Не удивляйся, Влад. После вздоха каждый раз в Белгор приезжает Королевский театр.

— А почему именно Королевский?

— Так Белгор коронный город. Заправляет здесь всеми делами не обычный бургомистр, а королевский наместник.

Понятно, кто ж такую кормушку отдаст. Ладно, еще один вопрос — и спать. Голова переполнена впечатлениями, и после такого обеда это будет совсем не лишним.

— А почему тут не любят продавцов?

— Главное замечаешь,— ухмыльнулся Матвей.— Будет из тебя толк, купец. Продавцами называют тех, кто предлагает купить свое умение воина или мага. Можно это здесь сделать. Забираешь у одного — с его согласия, конечно, иначе ничего не получится — и передаешь другому. Маги жизни еще не то могут. Сам понимаешь, что хорошего воина пойти на это заставят только крайние обстоятельства. Умение владеть оружием в Арланде означает возможность пожить подольше. Напрямую это связано. А про магов-продавцов никто за последние пятьдесят лет и не слышал. Нет таких дураков. Вот жулье раньше и приезжало в Белгор, чтобы смертников облапошить. Проверить навыки у продавца по-серьезному времени нет. Через две недели после начала вздоха из Белгора уезжать нужно. Долго это продолжалось, пока указом магистрата не ввели смертную казнь за одно только предложение купить навыки. У них тоже нет времени с каждым разбираться, кто есть кто — жулик или честный человек. Все понял?

Я кивнул. А не подсказка ли это мне? Хотя если они сюда не приезжают... К черту. Глаза уже начали слипаться.

— Иди спать,— сказал Матвей.— Пойдем, проведу тебя в комнату. Там жить будешь. Как проснешься — удобства в конце коридора. У тебя номер для самых бедных богатеев.

Отступление второе

— Да, я не ожидал, что ты решишься на это.

— На что?

Я с интересом рассматривал появившееся передо мной существо. М-да. Крендель, который сейчас радостно и облегченно хохотал над моим невинным вопросом, явно не знал, сколько положено иметь конечностей нормальному существу гуманоидного типа. Цвет открытых для всеобщего обзора участков его кожи тоже не должен был внушать оптимизма своему владельцу.

— Ты не знаешь, кто я, не вспомнил — отлично,— успокоившись, заявил крендель,— значит, ты это сделал не специально. Тем лучше.

— Чем лучше? — спросил я у задумавшегося существа.—

И будь добр, подскажи глупому мне, чего такого я сделал? Я тоже хочу посмеяться.

— Будь добр... — ухмыльнулся крендель.— Надо же, как ты сейчас разговариваешь. Еще бы сказал «благодарю» и «спасибо».

Чего тут смешного? Находясь в полном недоумении, я наблюдал за веселящимся существом. Черт с ним. Планида у него такая. Вся в фиолетовую крапинку.

— Чем лучше? — Существо успокоилось.— Да тем, отрыжка ты непроизносимого имени, что мне лучше. Я смогу тебя здесь полностью прикрыть от любопытных. Не было такого замысла, нет и волнения в тонких сферах. Тебя никто не найдет. Сможешь веселиться на всю катушку. Кстати, в интересное место ты попал. А кроме меня, разыскать тебя обычным способом никто не сможет. Все это дурацкая спешка. Ничего не проверил и бросился тебя искать. Хотел прикрыть твою спину. К бою со всеми готовился. Если бы не эти, так другие должны были пожаловать. Я был готов к бегству вместе с тобой куда угодно, уже почти нашел, как стал замечать странности. Серьезные странности. Отлично. Ты ничего не планировал. Просто великолепно.

— Да что я сделал!

Понимаю, что на незнакомцев кричать невежливо, но он уже достал.

— Сам знаешь что. Вспоминай.

Этот выродок, хихикнув на прощанье, исчез.

Нож — единственное, что у меня осталось от меня прежнего. Какая это квартира? Пятая или шестая, а про вещи я уже не говорю. Ну, поехали. Очередной стакан провалился в горло. Сосед, скотина, опять музыку на полную громкость поставил. Пойти ему хавальник начистить, что ли?

— А дальше?

Дальше будет ментовка. Эта крыса уже пыталась что-то выкатить в прошлый раз. Оно мне надо? Черт с ним. Сволочь, что ж так громко. Песня хорошая. Жизненная. Падаль этот сосед. Бесперывно ее по кругу пустил. Надо еще налить.

Брожу по дому как во сне.

Но мне покоя нет нигде.